

С. Шевырев

**Поездка в Кирилло-
Белозерский монастырь**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Шевырев**
Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь / С. Шевырев – М.: Книга
по Требованию, 2016. – 350 с.

ISBN 978-5-518-01486-2

В двух частях.
(с 25-ю литографированными рисунками).

ISBN 978-5-518-01486-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Цѣль поѣздки и описанія. — Путешествія по Россіи. — 24-е Іюня. — Воспоминанія по дорогѣ къ Троицѣ. — Мытищи. — Село Пушкино. — Хатыковъ монастырь. — Странники. — Дорога до Троицы. — Лавра. — Юродивый съ хлѣбомъ. — Литургія у раки Препод. Сергія. — Мысль всей жизни Преп. Сергія. — Трапеза. — Картины на стѣнахъ и стражники. — Иконы. — Ризница. — А. В. Горскій. — Его Исторія Флорентійскаго собора. — Ученые Московской Духовной Академіи. — Библіотеки: Академіи и Лавры. — Новое открытіе А. В. Горскаго о годѣ изобрѣтенія Славянской грамоты. — Рукописи. — Ф. А. Голубинскій. — Двойной характеръ его бесѣды. — Мысли о нѣмецкихъ философахъ. — Богоугодныя заведенія при Лаврѣ. — Визанія. — Церковь. — Домъ Митрополита Платона. — Гесеманія.

Мнѣ нуженъ былъ отдыхъ отъ трудовъ академическаго года. Я хотѣлъ согласить его съ занятіемъ по сердцу. Ни на чемъ такъ нельзя отдохнуть человѣку, утомленному кабинетною жизнью, какъ на пути скоромъ и дѣятельномъ. Здѣсь мысль, не прерывая своего занятія, живетъ внѣшними предметами. Впечатлѣнія смѣняются быстро: душа, освѣжившись, бодрѣй возвращается въ свой внутренній міръ.

Давно желалъ я взглянуть на предѣлы нашего сѣвера. Особенно хотѣлось мнѣ посѣтить бѣлозерскіи мѣста, съ которыми связана память преподобнаго Кирилла, одного изъ просвѣтителей тамошнихъ краевъ въ эпоху Татаръ. Лѣтомъ 1847 года, удалось мнѣ исполнить это желаніе. Кратокъ по времени былъ мой отдыхъ и путь; но много впечатлѣній прошло по душѣ; много новыхъ свѣдѣній собрала память: не хочу, чтобы это пропало даромъ, и рѣшаюсь передать читателямъ.

Въ дорогѣ все случайно: не знаешь, на что нападешь; не знаешь, съ кѣмъ встрѣтишься и что замѣтишь.

И имѣлъ цѣль предположенную въ своей поѣздкѣ, но не пренебрегалъ ничѣмъ, что любопытнаго попадалось на пути. Пускай рассказъ мой будетъ вѣрною, незатѣйливой копіею съ самаго странствія. Мыслящая бесѣда съ замѣчательнымъ человѣкомъ, живыя рѣчи простолюдиновъ, мѣлкость природы, впечатлѣнія городовъ и сель, памятники древней Руси, монастыри, храмы, иконы и хартии, дѣятельность Россіи повой, обычаи и нравы, преданія, языкъ народный и его физиогномія — все взойдетъ въ мой рассказъ, безъ строгаго порядка и связи, все какъ случилось. Спутникъ мой, Н. В. Б., владѣющій карандашемъ съ такою же граціей, какъ и стихомъ, снялъ нѣсколько очерковъ, за которые я ему весьма благодаренъ. Пускай они очевиднымъ напоминаніемъ оживятъ мое слово.

У насъ есть люди, готовые осмѣять даже мысль о путешествіи по Россіи. Выдавая себя за строгихъ поклонниковъ запада, они въ этомъ случаѣ однако позволяютъ себѣ отступать отъ него, потому что западъ не только не пренебрегаетъ такими путешествіями, но ввелъ ихъ въ моду и непрерывно обогащаетъ свою литературу ихъ описаніями. Мы также весьма охотно читаемъ ихъ, но въ этомъ чтеніи насъ не столько занимаютъ рассказы объ нашемъ отечествѣ, сколько мнѣніе, какое объ насъ составили западные путешественники. Данныя мы всегда признаемъ невѣрными, неосновательными, и даже извиняемъ въ томъ: гдѣ же иностранцу, говоритъ мы, не знающему ни языка, ни исторіи нашей, обратъ вѣрные факты о землѣ и народѣ? Но мнѣніе, не смотря на то, для насъ все таки имѣетъ великую цѣну и важность, хотя логически слѣдовало бы такъ заключить: данныя неосновательны, слѣд. и мнѣніе, изъ нихъ выведенное, таково же. Но подобное заключеніе требуетъ другаго условія. Надобно имѣть для того мнѣніе о самихъ себѣ, какъ націи, а мы покаместъ его еще не составили — и потому дорожимъ мнѣніемъ другихъ. точно такъ какъ всякій человѣкъ, не имѣющій о себѣ самостоятельнаго мнѣнія, хотя съ вида и стойкій, зависитъ отъ постороннихъ.

Есть еще причина, почему поклонники запада считают невозможнымъ путешествіе по Россіи. Эта причина, надобно съ ними согласиться, самая основательная; она состоитъ въ недостаткѣ комфорта, великаго плода Европейской цивилизаціи, столько лестнаго самолюбію нашей, человѣческой природы. Справедливо говорить: въ Россіи можно только ѣздить по дѣламъ, а путешествовать не лзя. Въ самомъ дѣлѣ, вы путешествуете только за границей: путешествіе тамъ сопровождалось, по крайней мѣрѣ прежде, всякой день, прекраснымъ завтракомъ, вкуснымъ обѣдомъ, мягкой постелью. Странствуя по Россіи, вы непрерывно подвергаетесь тѣмъ лишениямъ, которыя для инаго, скованнаго привычками воспитанія, просто невыносимыя несчастія, удары судьбы; вы на самихъ себѣ, и ночью и днемъ, чувствуете почти всякой часъ, какъ отстали мы въ комфортѣ жизни передъ другими — и выносите чувство неприятное, могущее повредить всякой пользѣ, еслибы эта польза была даже возможна. Съ этимъ не лзя не согласиться. Кто противъ этого можетъ спорить?

24-го Іюня я выѣхалъ изъ Москвы, въ Крестовскую заставу. Изнавъ день сказывался вѣнками цвѣтовъ на поярковыхъ шляпахъ фабричныхъ шеголей Московскихъ. Красныя рубашки, синіе халаты и черныя кудри подъ увѣнчанной шляпой мелькали безперерывно. Весела физиогномія нашего промышленника, котораго кормить Москва своею работою; его довольство блещетъ въ его нарядѣ; праздникъ принадлежитъ ему — и онъ не чувствуетъ тяжелой нужды продать его за деньги. Но лицо его слишкомъ рано теряетъ цвѣтушую краску юности; рано морщины втираются въ него и разрушаютъ свѣжесть тѣлесную; глаза темнѣютъ и тупѣютъ; подъ наружнымъ забытьемъ и весельемъ таится что-то болѣзненное и мрачное. Причина всему — вино.

Катясь по Троицкому шоссе, наслаждаешься выгодами Европейской гражданственности и въ тоже время вспоминаешь старинную Русь съ ея царскими походами. Вотъ на лѣво Марьино роща и поле, гдѣ подъ шатрами отдыхалъ

Царь Алексѣй Михайловичъ съ своею Царицею. Вотъ древняя глава церкви села Алексѣевского! Вотъ Тайнинское—забава Царя Алексѣя Михайловича! Путевыя впечатлѣнія И. М. Снегирева—необходимая книжка для мыслящаго странника къ Троицѣ: они оживляютъ дорогу памятью минувшаго.

Но какъ изгладились слѣды его! Ужъ нѣтъ дворца въ Алексѣевскомъ, гдѣ Карамзинъ съ какою-то любовію смотрѣлъ на тѣ вещи, которыя принадлежали еще къ характеру старой Руси; съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ брался рукою за дверь, думая, что нѣкогда отворялъ ее родитель Петра Великаго, или Канцлеръ Матвѣевъ, или собственный предокъ его, служившій Царю, и чувствовалъ, что въ немъ не остыла Русская кровь! Въ селѣ Тайнинскомъ нѣтъ уже давнымъ давно дворца Елисаветы Петровны, который еще при Карамзинѣ продавался на свозъ! Въ Братовщицѣ — ни деревянной церкви, ни царской вышки, въ которой на мягкихъ перинахъ отдыхалъ Царь Алексѣй Михайловичъ.

Въ Мытищахъ Европейская цивилизація вамъ напомнитъ обычай заграничныхъ дорогъ. Вы приведете на память этотъ Нѣмецкій Schein, который васъ такъ часто будилъ ночью! Не худо замѣтить для новичка-странника по этимъ Европейскимъ дорогамъ, что ярлыкъ, который дадутъ вамъ за ваши деньги, надобно сберечь на дальній путь, еслибы даже сторожъ и сказалъ вамъ, что вы можете сдѣлать съ нимъ все что хотите. Помню, за границей, мнѣ всегда хотѣлось на самомъ ярлыкѣ прочесть, что съ нимъ дѣлать, на примѣръ: *отдать на такой-то станціи.*

Самоварная промышленность предлагаетъ вамъ отвѣдать чаю изъ самой лучшей подмосковной воды. Преданіе именуетъ родникъ *громовымъ колодеземъ*; такое названіе нрѣдко встрѣчается въ Россіи; народъ вѣрилъ, что небесная молнія открывала лучшую воду людямъ. Есть еще у насъ *святые колодцы*: они вырыты руками святыхъ мужей, потрудившихся для здравія народнаго. Эти колодцы открыты также святымъ вдохновеніемъ съ неба.

Село Пушкино, какъ говорятъ, славится своими хоровами. Думая, что въ Ивановъ день они соберутся, мы остановились здѣсь напиться чаю. Но хороводовъ не было. Сосѣдняя фабрика отнимаетъ праздничные дни у народа. Трудъ, конечно, полезенъ пѣсенъ. Нѣсколько дѣвушекъ въ нарядныхъ платьяхъ сидѣло на залавкѣ у одного богатаго крестьянскаго дома. Не вдаль отъ нихъ стоялъ молодой щеголь села, хозяйской сынъ, видный собою, въ плисовой сборчатой коротенькой поддѣвкѣ, которая сжимала стройный станъ его; изъ подъ нея видна была цвѣтная пестрая рубашка; русыя кудри вились изъ подъ шляпы; сложивши руки, гордо стоялъ онъ и поглядывалъ на дѣвицъ; видно было, что онъ щеголялъ собою и своимъ нарядомъ. — «Что не водите хоровадь, дѣвушки?» — Да вотъ молодцы не затѣвають, отвѣчали онѣ, указывая на щеголя. — «Что же, другъ, не позовешь ихъ?» — Да куда мнѣ звать? это нашъ домъ: вотъ онѣ сами пришли ко мнѣ въ гости и незваныя. — Вотъ и еще успѣхи цивилизаціи, подумалъ я. Уже это нравы прямо изъ современныхъ Парижскихъ водевилей, гдѣ мнръ теперь выводится наизнанку и дѣвушки волочатся за мужчинами. Я думалъ, что вижу передъ собою сцену изъ *Fièvre brûlante* въ подмосковныхъ костюмахъ.

Грудные младенцы на рукахъ у матерей и ребятишки, бѣгавшіе около нихъ, привлекли мое вниманіе. Какъ они блѣдны и тощи! Какой болѣзненный видъ! Прежде это случалось съ барскими дѣтьми. Нравы родителей видны на дѣтяхъ. Грустно!

Я прошелся по селу. Его веселая наружность мнѣ полюбилась. Взшелъ на колокольню. Прекрасенъ видъ на окрестность; извивы рѣки Учи его оживляютъ. Волновались поля будущею жатвой. Вдали видна фабрика. Она отняла у насъ хоровадь; но спасибо ей за то, что кормить народъ и приучаетъ его къ честному труду.

Сошедъ съ колокольни, мы гуляли вдоль по селу. По дорогѣ тянулся обозъ отъ Троицы. Впереди ѣхала кибитка. Въ ней сидѣлъ священникъ. Насъ поразила благообразная красота его. Никогда еще не встрѣчалъ я такого чуднаго

лица, котораго черты намѣкали бы такъ ясно на божественный ликъ, коему мы поклоняемся на иконахъ. Кстати такой прекрасный даръ удѣленъ служителю алтаря, особливо если черты души отвѣчаютъ чертамъ лица. У насъ, по какому-то предразсудку, совѣстно остановить вниманіе на прекрасномъ лицѣ, какъ будто бы это не созданіе Божіе, достойное изумленія. — Духовенство наше отличается вообще крѣпостью тѣлосложенія и свѣжестью силъ: добрый признакъ его чистыхъ нравовъ. Пускай иноземцы укоряютъ у насъ это сословіе въ томъ, что оно слишкомъ отдѣлено отъ другихъ. И прекрасно: такимъ только образомъ можетъ оно уберечь себя и свои тѣлесныя силы.

Идучи по селу, я вмѣшался въ народный разговоръ. Крестьянинъ всегда радъ бесѣдѣ съ нами — и весьма радушно принимаетъ наше слово. Въ этомъ всего лучше выражается его добрая душа. Полетъ воздухоплатателя еще былъ здѣсь свѣжею новостью. Памятно мнѣ слово одного простолудина: «Самъ себѣ смерть покупаетъ.» — Что бы вамъ такъ? спросилъ я. Вѣдь, вотъ вы сколько трудитесь, сколько работаете, а толи дѣло? слеталъ на воздухъ, да взялъ себѣ денежки.—«Нѣтъ, баринъ, страшно.»—Да вѣдь ты пойдешь же на смерть, если отдадутъ въ рекруты? — «Та ли это смерть, баринъ? Это служба великому Государю.»— Величаво было это слово — и величавъ видѣ, съ какимъ произнесено оно.

Люблю я бесѣду съ нашимъ народомъ. Она для меня всегда поучительна и мыслию и словомъ. Мысль его свѣжая, незаученная; таково и слово. Кромѣ того, послѣднее нерѣдко бываетъ для меня отголоскомъ изъ памятниковъ древняго языка. Одинъ Владимірскій плотникъ говорилъ мнѣ недавно: вмѣсто взялися — *ѣмься* все сдѣлать. Мнѣ такъ и припомнилось выраженіе изъ Несторовой летописи — *ѣмься* по дань. Но Владимірцы сознаютъ однако, что рѣчь Московская чище: — «у насъ во Владимірской губерніи *говорять сьрѣ*», такъ выражаются они, и, приходя въ Москву на работу, стараются поскорѣ перенять наше произношеніе и складъ рѣчи. Москву они уважаютъ и

любить за то, что она ихъ кормитъ; но у нихъ есть на нее и пословица, не совсѣмъ выгодная: *Москва кому мать, кому мачиха*. Въ городѣ у насъ считаютъ они себя чужими, а потому и ходятъ сѣрд — не шеголяютъ; но за то у всякаго на селѣ, у того мать, у другаго жена, бережетъ красную рубашку да синій халатъ къ его возврату: придетъ плотникъ съ Москвы къ сѣнокосу домой — и тогда-то наряжается онъ въ береженое платье, и шеголемъ идетъ къ обѣднѣ въ сельскую церковь, гдѣ увидать его люди свои, знающіе его и по имени и по рожденію.

И. П. Сахаровъ въ Сказаніяхъ Русскаго народа говорить, что пѣсня: *Не будите меня малоду*, поется въ селѣ Пушкинѣ съ какимъ-то народнымъ торжествомъ, и что Московскіе жители нарочно ѣздить туда слушать эту пѣсню. Мнѣ хотѣлось повѣрить это на дѣлѣ — и я обратился къ одному изъ перѣвыхъ мастеровъ хороводныхъ пѣсень, который сказалъ мнѣ, что эта пѣсня поется здѣсь, какъ всякая другая, и что въ ней нѣтъ ничего особеннаго. Неужели такъ скоро измѣнимся обычай?

Было пора ѣхать въ дорогу. Хозяйка на прощаньѣ приглашала опять на возвратномъ пути. »Къ намъ заѣзжаютъ—де все лучшіе господа; мы эдакъ изъ простаго народа никого къ себѣ не пускаемъ, какъ другіе; у насъ не такой—де домъ; оно, знаете, *того-вотко* нечисто.... А! вотъ и аристократія въ сельскихъ нравахъ!

Когда своротилъ съ большой дороги на Хатьковъ, мѣста дѣлаются живописнѣе.

Рано утромъ, перешедъ рѣчку Вору, я пошелъ въ монастырь, просѣкой лѣса, вверх по горѣ. На мосту, передъ самымъ монастыремъ, встрѣтили мы многихъ странниковъ изъ Москвы. Я спрашивалъ: кто откуда? Тотъ съ Воробьевыхъ горъ, другой изъ подъ Боровска, этотъ изъ Рязска. Особенно заняла меня старушка изъ Каширы: она въ болѣзни дала обѣщаніе сходить къ Угоднику — и теперь его исполняетъ: «не было бы рукъ, ни ногъ — каткомъ бы покатила къ чудотворцу.» На мосту сидѣли нищіе: не проходилъ ни

одинъ Богомолецъ, какъ бы самъ бѣденъ ни былъ, не подавши имъ милостыни, деньгами, хлѣбомъ, сухаремъ. Вотъ и у моей старушки въ буракѣ были размоченные водой сухари, ея насущная пища; деревянной ложкой зачерпнула она ихъ и положила въ чашку нищаго, сопровождая даръ крестнымъ знаменіемъ и молитвой.

Не умолкаютъ панихиды у раки блаженныхъ родителей Преподобнаго Сергія. Какъ въ этомъ обычаѣ до сихъ поръ выражается мысль проповѣдника Пресвятыя Троицы, который и теперь, приглашая къ себѣ странниковъ, даетъ имъ на пути урокъ благочестія семейнаго и сыновнихъ обязанностей! Какъ ни алкала его душа иноческой жизни и пустыннаго уединенія, но онъ видалъ голоду больныхъ и престарѣлыхъ родителей, и служилъ имъ до конца ихъ жизни, и тягостная житейская нужда ихъ сдерживала въ немъ даже порывъ высокаго призванія! Эти отношенія семейныя составляютъ прекрасную человѣческую черту въ характерѣ Преподобнаго Сергія, черту, которой особенно сочувствуетъ нашъ народъ.

Толпы нищихъ, въ оградѣ монастыря, избалованныхъ милосердіемъ странниковъ, непрерывно упражняютъ въ нихъ эту добродѣтель: вѣдь это также занятіе. Слѣбая съ трехъ лѣтъ отъ рожденія сидитъ у воротъ монастырской ограды. Восемьдесятъ семь лѣтъ служила она тутъ и именемъ Христовымъ питала себя, и вѣроятно, семью свою.

Дождикъ ливня лилъ, когда отправились мы къ Троицѣ. Заволокло со всѣхъ сторонъ — и на сплошномъ сѣромъ небѣ ни трещинки, которая обѣщала бы перемѣну къ лучшему. Но мнѣ было не скучно: я говорилъ съ извозникомъ. Малой, 21-го года, не женатый, рассказывалъ мнѣ, какъ учила его читать и писать монахиня Хатькова монастыря, когда было ему еще девять лѣтъ. Мнѣ припомнились времена древней Руси, когда монастыри наши были первоначальными школами для всѣхъ сословій. Видно и теперь грамотность нашихъ крестьянъ, даже и подъ Москвою, въ томъ же завѣдываніи обитателей. Мѣщане учатся

болѣе въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ. Выучка чтенію стояла отцу его 20 рублей ассигнаціями, да за письмо столько же.

Парень весело рассказывалъ мнѣ о ихъ осеннихъ и зимнихъ посидѣлкахъ. Карты проникли и въ хижины нашихъ поселенцевъ. Парни съ дѣвками играютъ въ свои козыри и въ короли. Особенно веселить ихъ послѣдняя игра, когда король раздастъ разныя приказанія, угодныя ихъ вкусу. Въ хороводахъ любимыя пѣсни: *Замыка, Взойди красно солнце, ни низко ни высоко*. Пѣсни старыя лучше новыхъ, говорилъ представитель молодаго поколѣнія. А кто сочиняетъ у васъ эти пѣсни?—Да такъ, другъ дружкѣ сказываемъ, другъ у дружки перенимаемъ, повторилъ онъ мнѣ отвѣтъ, который слыхалъ я и прежде въ разныхъ концахъ Россіи. Иногда заѣзжіе въ деревню завезутъ новую пѣсню въ гости. Парни болѣе учатся у дѣвушекъ. Языкъ извошника былъ для меня урокомъ въ нашей Московской народной рѣчи. Особенно останавливало мое вниманіе обиліе уменьшительныхъ парѣчій, какъ напримѣръ: *теперичка, тутотка*. Едва ли какойнибудь языкъ простираетъ до того страсть свою уменьшать всѣ слова, какъ нашъ народный. Въ этомъ сходимся мы съ другими Славянскими племенами. Болгары уменьшаютъ мѣстоименіе личное: *азъ* до нельзя—*азика, азикана, азиканана*. Мнѣ этимъ объясняется наша простонародная откличка: *ась?* которая конечно есть нашъ славянскій *азъ* т. е. я. Народъ и его уменьшаетъ и превращаетъ очень граціозно въ *асенька*.

Видно, что парень мой былъ охотникъ до пѣсенъ, но отъ Хатькова до Троицы никогда не раздастся пѣсня извошника. «Не хорошо пѣть пѣсни на такомъ святомъ пути,»—сказалъ мнѣ скромный юноша. Этотъ путь, богомольный стражникъ долженъ посвятить поминанію родителей Св. Сергія. Блинки, которые предлагаютъ на дорогѣ, какъ Русское лакомство, указываютъ на древній обычай поминанія. На походахъ Царей къ Троицѣ подносились и имъ блинны, согласно тому же обычаю. Въ лѣсу раздастся иногда чтеніе Псалтири, совершаемое благочестивыми бого-

мольцами, поселившимися около этихъ святыхъ мѣстъ. Это также голосъ вѣковаго поминанія.

Дождь не переставалъ во время нашего разговора. Вдали, на закатѣ, у края неба, стало прочищаться. Но лишь только мы выѣхали изъ лѣса на поляну и по-неслись по березовому проспекту, влѣво семицвѣтная дуга двойною окружностью охватила небесный сводъ. Давно уже не видалъ я такого зрѣлища. Мы остановились передъ нимъ. Радуга надъ Москвою ломается о верхи колоколенъ и домовъ. Здѣсь оба конца ея очевидно упирались на чистое поле—и всѣ семь цвѣтовъ ея горѣли ярко, ярко. Влѣво сіяла Лавра въ лучахъ заходящаго солнца своими золотыми главами. Нельзя было найти счастливѣе минуты для вѣзда въ святую обитель.

На другой день утромъ кородивый дарить васъ хлѣбомъ. Даръ его безкорыстенъ. Денегъ онъ не беретъ, а если кто насильно и дастъ ему, онъ раздастъ тотчасъ нищей братіи. Въ этомъ дарѣ выражается уваженіе Русскаго человѣка къ хлѣбу, какъ высшему дару Божию на землѣ, который удостоивается быть тѣломъ Христовымъ. Уронить хлѣбъ на полъ считается грѣхомъ у корешаго Русскаго человѣка. Не могу не вспомнить, что Германскій мыслитель Баадеръ весьма сочувствовалъ этой чертѣ нашего народа.

Невозможно проводить время отдыха лучше, какъ я проводилъ его у Троицы. У меня было тамъ три занятія: богомолье, изученіе памятниковъ древности, бесѣда съ учеными мужами.

Каждыя четверть-часа, отъ раннаго утра до поздней обѣдни, въ которомъ набудъ изъ многочисленныхъ храмовъ и придѣловъ, начинается литургія. Такъ гостепримна Лавра къ своимъ богомольцамъ, что всякой, взошедъ въ нее утромъ, въ какое угодно время, не долго прождетъ духовной трапезы. Нищіе, баловни народа, роящіеся какъ мухи около храмовъ, вамъ скажутъ, гдѣ начинается обѣдня. Мнѣ же, собиравшемуся въ долгой путь, кстаті досталось выслушать первую литургію въ церкви Божіей Матери Одигитріи (путеводительницы).